

хранившихся в нем во второй половине XVII — начале XVIII в. буддийских рукописей; а также его значение в экономической жизни региона.

Иллюстрации сопровождают тексты всех глав монографии. Это и репродукции планов раскопок монастырей, и фотографии найденных в них артефактов, факсимиле текстов.

Исследование (с одной стороны — детальное, с другой — системное) авторами многоаспектных проблем присутствия на территории проживания казахов иноэтничного населения — ойратов, распространение в среде последних различных культурных буддийских практик (строительство монастырей, перевод и переписывание буддийских текстов, развитие ремесел и пр.) делает работу интересной как для узкого специалиста (историка, археолога, культуролога, этнолога и др.), так и для специалистов широкого профиля.

Фольклорные традиции бурят Китая

Ж. М. Юша. Рец. на: *Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклор шэнэхэнских бурят / отв. ред. Л. С. Дампилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 312 с.*

DOI 10.25882/3zmf-8738

© Ж. М. Юша, 2020

Юша Жанна Монгеевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, сектор фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения РАН (Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).

Zhanna M. Yusha — D. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Sector of Folklore of Siberian Peoples, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia).

zhanna-yusha@yandex.ru

В российской гуманитарной науке начиная с 2000 г. вследствие установления нового этапа в дружественных отношениях между Россией и Китаем у отечественных ученых появилась возможность проводить полевые исследования среди национальных меньшинств КНР. Интерес российских исследователей к данной тематике связан с тем, что в силу исторических событий 1910–1930 гг. некоторые народы оказались разделены на две страны: Россию и Китай. К ним относятся буряты, ойраты, ороченцы, русские, тувинцы, эвенки, эвены. В настоящее время, отпочковавшись от материнского этноса, данные этнические группы создали островные традиции в Китае [Юша, 2018. С. 8]. В связи с этим в отечественной науке наметилась задача исследования указанных этносов, населяющих территорию России и Китая, чтобы выявить в анклавном поле степень сохранности и трансформации элементов традиционной культуры и фольклора. Как свидетельствуют новые публикации и полевая практика, культура многих наро-

дов, оказавшись в иноэтничной среде, консервируется, сохраняя многие архаичные черты материнского поля [Кляус, 2015; Тодаева, 2007; Юша, 2018].

Научное издание «Фольклор шэнэхэнских бурят» подготовлено в русле современных эдиционных практик отечественной фольклористики. В нем представлены образцы разных жанров фольклорного наследия этнических бурят Китая, описание обычаев и обрядов, примет и воспоминаний, сопровождаемые объемным научным аппаратом: вступительной и текстологической статьями, комментариями к русскому переводу и примечаниями к национальным текстам, указателями персонажей, топонимов, фотоматериалами исполнителей и информантов. Автор публикации — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна, опытный полевик, прекрасно знающая и понимающая исследуемую культуру.

Работа подготовлена на основе полевых материалов последних лет (2011, 2012, 2014), собранных сотрудниками отдела фольклора и литературы Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБИТ СО РАН, г. Улан-Удэ) в местах компактного расселения шэнэхэнских бурят во Внутренней Монголии Китайской Народной Республики. Экспедиционная работа позволила собирателям зафиксировать современное бытование фольклора и сохранность традиции в иноэтничной среде, записать аутентичные материалы, свидетельствующие о высокой степени самобытности и жанровом своеобразии образцов бурятского фольклора, в которых встречаются генетически родственные сюжеты, характерные для монгольских народов. В анклавной традиции, несмотря на постоянные контакты с другими культурами, наблюдается, по мнению автора, «наибольшая сохранность традиционных форм фольклора бурят на территории КНР по сравнению с фольклором бурят Российской Федерации» [Цыбикова, 2016. С. 3]. Кроме того, хотелось бы отметить, что принятые в течение ряда лет экспедиции позволили собирателям планомерно зафиксировать разновременные записи фольклорных образцов от носителей, а также выявить «срез фольклорной традиции в ее динамике» [Там же. С. 3].

В истории бурятской фольклористики эта книга является первым двуязычным изданием на бурятском и русском языках, посвященным фольклору зарубежных бурят. Работа состоит из вступительной статьи: «Героический эпос и сказки» и четырех разделов: «Легенды, предания»; «Устные рассказы»; «Песни»; «Малые жанры», в которых содержится 147 фольклорных образцов шэнэхэнских бурят. Кроме произведений фольклора, в структуру книги отдельной рубрикой включены описания традиционных обычаев и обрядов, воспоминаний шэнэхэнских бурят.

Подача материала книги организована по принципу академической эдиционной практики, характерной для фольклористики последних десятилетий. Так, в представленных текстах сохранены все особенности диалектной (агинский говор хоринского диалекта) и устной речи бурят Внутренней Монголии. Особый вес изданию придает содержащееся в книге Приложение, которое включает в себя объемный научно-понятийный аппарат. Постараемся здесь изложить существенные моменты книги.

В филологической статье Б.-Х. Б. Цыбикова дает подробный и основательный анализ современной фольклорной ситуации, наблюдаемой у шэнэхэнских бурят в начале XXI в. Автор отмечает, что имеющийся полевой материал, демонстрирующий единство фольклорных жанров, был систематизирован в соответствии с традиционной классификацией жанров общепурятского фольклора: героический эпос, сказки, несказочная проза, песни, малые жанры. Исследователем показана самобытная народная терминология жанров фольклора (героический эпос, волшебные сказки героического содержания, народные песни) в понимании исполнителей анклавной традиции, нередко отличающейся от материнской. Подробно рассматривается фольклорный репертуар исполнителей, стиль их повествования, преемственность фольклорных произведений. В исследуемой локальной традиции автор отмечена важная роль воззрений народного буддизма, которые часто проявляются в сюжетах нарративных и песенных жанров шэнэхэнских бурят.

Особое внимание в подготовленном издании уделено исследователем научному аппарату. Так, каждое фольклорное произведение содержит подробные комментарии к русскому переводу, необходимые для раскрытия специфики фольклорного текста: устойчивые формульные выражения, иносказания, фразеологизмы, мифологические представления, обрядовые традиции, характеристика мифологических персонажей. Примечания к национальным текстам включают в себя анализ диалектной лексики в сопоставлении с литературной формой бурятского языка, диалектные особенности произношения, многозначность слов, оговорки исполнителей, характерные для устной речи. Все фольклорные тексты подробно паспортизированы; составлены указатели исполнителей, имен персонажей, топонимов; имеется словарь непереуведенных слов. В целом научный аппарат наглядно иллюстрирует своеобразие и отражение традиционной культуры и языка шэнэхэнцев в живом бытовании фольклорной традиции. Нам кажется, было бы замечательно, если бы были приведены краткие варианты этих сказок в комментариях, так как с фольклорной точки зрения очень важны варианты произведений, их сопоставление и разновременная запись могут дать интересные результаты.

Произведения героических сказаний и тексты сказок включены в первый раздел книги. Жанр героического эпоса представлен двумя краткими вариантами сказаний в прозаической форме: прологом

сказания «Гэсэр» и повествованием о Гэсэр Мэргэнхане. В сказочных сюжетах шэнэхэнских бурят автором выявлены варианты сказок, идентичные образцам материнской традиции, в них же выделены сюжеты, которые присутствуют в общемировом фонде и по содержанию близки к сказочным мотивам 313А, 301А по Указателю сюжетов сказок Аарне-Томпсона [Цыбикова, 2016. С. 6]. Как установлено исследователем, буряты Внутренней Монголии, в отличие от российских бурят, еще не утратили традицию исполнения народных сказок и сказочный репертуар сохранился у них в архаическом варианте. Отмечая высокий научный уровень прокомментированных текстов, стоит, однако, добавить, что некоторые общепурятские архаические воззрения следовало бы объяснить. Например, в тексте № 11 мифологические представления о горе Сумбэр, Нижнем мире, о душе шолмоса и др.

Во втором разделе присутствуют образцы несказочной прозы бурят: легенды и предания, а также устные рассказы исторического и религиозного характера. Одной из характерных черт, можно сказать, почти каждой анклавной традиции, оказавшейся в иноэтничном окружении, является тема памяти о своей исторической родине, попытки осмысления ухода этнолокальной группы с материнской территории своего этноса. Особенно эта тема заметна в устной прозе, в которой встречаются народные представления о причинах разделения своего этноса. Так, в представленных образцах чувствуется тоска по исторической родине, попытка объяснения ухода шэнэхэнских бурят от основной этнической массы. Автор проанализирована легенда о Бальжин хатан, которая является отзвуком «Повести о Бальжан хатан» — первого письменного памятника бурятской литературы на старомонгольской письменности [Цыбикова, 2016. С. 7]. Как отмечает Б.-Х. Б. Цыбикова, в зафиксированном варианте этой легенды «в сюжет вкраплен не характерный для большинства легенд мотив о невыполнении бурятами просьбы ламы изготовить статуэтку бурхана Жалсарай» [Там же. С. 7], что, по мнению рассказчицы, послужило наказанием, объясняющим разобщенность бурятского этноса, оказавшегося в разных странах: России, Монголии и Китае. В других представленных вариантах этой же легенды предлагается народная интерпретация причин разбросанности бурят на разных территориях, как пишет автор, «затрагивается весьма болезненная для этнического меньшинства тема изолированности от основного массива этноса в инонациональной среде...» [Цыбикова, 2016. С. 9]. Кроме этого, в устных рассказах ярко отражаются религиозные представления шэнэхэнцев, которые, наравне с культовыми объектами новой территории проживания, до сих пор почитают святые места исторической родины (горы Алханай и Бархан, остров Ольхон) и, по предсказаниям местных лам, делают им подношения. В книге также представлены устные рассказы исторического характера, свидетельствующие о важных этапах в жизни шэнэхэнцев: об Октябрьской ре-

волюции и Гражданской войне в России, об установлении советской власти, о переселении бурят и хамниганов во Внутреннюю Монголию, японской оккупации Маньчжурии, русско-японской войне и участии в ней китайских бурят, о жизни бурят в период культурной революции в КНР (1966–1976).

Образцы богатого наследия народных песен разных жанров — исторические, обрядовые, религиозные, песни кольца, песни кругового хора, лирические, современные, привезенные из прежней родины, — включены в третий раздел книги. Б.-Х. Б. Цыбикова, анализируя песенные тексты, отмечает, что шэнэхэнцы строго различают народные песни по манере их исполнения и по их назначению, а в их песенной культуре очень популярны песни кольца, которые включают в себя разные жанры песен: лирические, шуточные и песни-магталы. В филологической статье исследователем подробно описаны условия и правила исполнения песен кольца, функционирование обрядовых песен. Как отмечает автор, у бурят Шэнэхэна обрядовые песни свадьбы до сих пор востребованы носителями традиции, они поются на разных этапах свадебной обрядности, тогда как у бурят России эти песни практически забыты, а на свадьбах исполняется лишь их сокращенный вариант.

Обращает на себя внимание и то, что в памяти современного поколения остались старинные песни религиозного характера, песни-магталы, песни, связанные с родиной предков, что показывает преемственность фольклорной традиции. В связи с этими обстоятельствами автор подчеркивает, что в современных условиях жизни «российскими бурятами большинство старинных, традиционных песен, которые и ныне в активном запасе шэнэхэнцев, практически забыто» [Цыбикова, 2016. С. 11]. Исследователь демонстрирует и новые песни, показывая тем самым обогащение песенной традиции и поздний

слой фольклора, сложившегося за пределами исторической территории.

В четвертую рубрику помещены образцы малых жанров и обрядовой поэзии. Как отмечает автор, в фольклоре шэнэхэнских бурят до настоящего времени широко представлены пословицы и поговорки, загадки и благопожелания. Этот факт можно объяснить наличием живой фольклорной традиции, при которой не суживаются рамки фольклорного знания, несмотря на современные средства досуга, что в локальных культурах в наши дни встречается достаточно редко.

Кроме фольклорных образцов, в издании представлены материалы о быте, обрядах и обычаях бурят, воспоминания о прежней жизни, записанные в ходе бесед с информантами. Здесь же приведены краткие описания семейных ритуалов: первой стрижки волос ребенка, сватовства; календарных обрядов — поклонение огню, освящение обо, наступление белого месяца; описания буддийских практик — призывания счастья, мани-хурала.

Завершая обзор, хочется еще раз подчеркнуть, что в научный обиход введены уникальные материалы по фольклору и традиционной культуре шэнэхэнских бурят, дающие целостное представление о современном бытовании устной традиции бурят Внутренней Монголии. Важно отметить, что автором проведена огромная работа по подготовке данного издания, выявлены основные черты анклавной традиции, показаны ее специфика и отличительные от материнского поля особенности. Изданные материалы будут востребованы в плане сравнительно-сопоставительных исследований не только среди бурят России, Китая и Монголии, но и в плане будущего изучения фольклорных диалектов малочисленных народов КНР. Надеемся, что в скором времени будут изданы и другие экспедиционные материалы, записанные у шэнэхэнских бурят.

Использованная литература

Кляус, 2015: *Кляус В. Л.* «Русское Трехречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 382 с.

Klyaus V. L. «Russkoe Trehrech'e» Man'zhurii. Ocherki i folklor a traditsionnoi kul'turi. M.: IMLI RAN, 2015. 382 s.

Klyaus V. L. «Russian Three Rivers» Manzhouli's. Essays on folklore and traditional culture. M.: IMLI RAN, 2015. 382 p.

Тодаева, 2007: *Тодаева Б. Х.* Пословицы, поговорки и загадки ойратов Китая (Синьцзяна) и калмыков России. Элиста: АПП «Джангар», 2007. 838 с.

Todaeva B. H. Poslovitsi, pogovorki i zagadki oiratov Kitaya (Sin'zyana) i kalmikov Rossii. Elista: APP «Dzhangar», 2007. 838 s.

Todaeva B. H. Proverbs, sayings and riddles of the Oirats of China (Xinjiang) and Kalmyks of Russia. Elista: APP «Dzhangar», 2007. 838 p.

Цыбикова, 2016: *Цыбикова Б.-Х. Б.* Фольклор шэнэхэнских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 312 с.

Tsibikova B.-Kh. B. Folklor shenehenskih buryat. Ulan-Ude: Izd-vo BNS SO RAN, 2016. 312 s.

Tsibikova B.-Kh. B. Folklore of the Shanahan Buryats. Ulan-Ude: Izd-vo BNS SO RAN, 2016. 312 p.

Юша, 2018: *Юша Ж. М.* Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск: Наука, 2018. 400 с.

Yusha Zh. M. Folklor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale XXI veka. Struktura. Semantika. Pragmatika. Novosibirsk: Nauka, 2018. 400 s.

Yusha Zh. M. Folklore and ritual of Tuvans in China at the beginning of the XXI-th century. Structure. Semantics. Pragmatics. Novosibirsk: Nauka, 2018. 400 p.